

М.А. ГАРЕЕВ

М.А. ГАРЕЕВ

«ПРЕТЕНЗИИ СССР ДОЛЖНЫ БЫТЬ, БЕЗУСЛОВНО, УДОВЛЕТВОРЕНЫ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ НАД ЯПОНИЕЙ»

Заключительный аккорд Второй мировой войны

«THE USSR'S CLAIMS SHALL BE DEFINITELY SATISFIED AFTER THE VICTORY OVER JAPAN»

The final chord of the Second World War

Сведения об авторе. Гареев Махмут Ахметович — президент Академии военных наук РФ, генерал армии в отставке, доктор военных наук, доктор исторических наук, профессор (Москва. E-mail: avnrf@mail.ru).

Аннотация. В статье рассказывается о вступлении Советского Союза в войну против Японии в августе 1945 года, военной кампании на Дальнем Востоке, роли СССР в победоносном завершении Второй мировой войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война; август 1945 года; милитаристская Япония; разгром японской Квантунской армии; военнопленные; фальсификация истории.

Information about author. Makhmut Gareyev — President of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, General of the Army (ret.), D. Sc. (Mil.), D. Sc. (Hist.), Professor (Moscow. E-mail: avnrf@mail.ru).

Summary. The article discusses narrates the entry of the Soviet Union into the war against Japan in August 1945, the military campaign in the Far East, the role of the USSR in the victorious conclusion of World War II.

Keywords: Second World War; August 1945; militarist Japan; rout of the Japanese Kwantung Army; prisoners of war; the falsification of history.

Вступление Советского Союза в войну против Японии в августе 1945 года и победоносная кампания на Дальнем Востоке имели важнейшее военно-политическое значение для разгрома милитаристской Японии и победоносного завершения Второй мировой войны. Прежде всего был смыт позор поражения в войне 1905 года, тяжёлой памятью лежавший на самосознании народа России; возвращены отторгнутые Южный Сахалин и Курильские острова; за короткий срок разгромлена миллионная Квантунская армия, что ускорило капитуляцию империи на Японских островах и окончание Второй мировой войны.

С военной точки зрения Маньчжурская стратегическая наступательная операция советских войск по оригинальности замысла и мастерству исполнения — одна из выдающихся операций за всю мировую военную историю. В ней нашёл воплощение весь сгусток военной мысли и военного искусства, накопленный советскими Вооружёнными силами за время Великой Отечественной войны.

Роль СССР в окончательном разгроме Японии

В ПОСЛЕДНИЕ годы всё чаще приходится слышать, что решающую роль в капитуляции Японии сыграли американские атомные бомбы, сброшенные без какой бы то ни было военной надобности на Хиросиму и Нагасаки. И будто бы роль Советского Союза в разгроме Японии была незначительной. Более того, появляются публикации, извращающие события, ставящие под сомнение правомерность и необходимость вступления нашей страны в войну против Японии в 1945 году.

Появились спонсируемые определёнными кругами, в том числе японскими, различные фонды и общества, которые во всём обвиняют нашу страну, а Япония изображается безвинной жертвой, пострадавшей в итоге Второй мировой войны. Так, президент российско-

японского фонда «Покаяние» В.А. Архангельский заявил ещё более 10 лет назад, что «мы, например, до сих пор мало знаем о том, что происходило уже после гитлеровской капитуляции на восточных границах нашей страны, когда СССР 9 августа 1945 г. начал военные действия против Японии». Он призывает Россию покаяться перед Японией, утверждая, что «россиянам старшего поколения, наряду с осуждением японского милитаризма, есть за что с благодарностью вспоминать Японию». Прежде всего за то, что она в годы войны с германским фашизмом якобы осталась верной Пакту о нейтралитете, что дало возможность перебросить в 1941 году дивизии с Дальнего Востока, которые, оказывается, спасли Москву и обеспечили перелом в войне. «Вступи Япония в войну, — считает Валентин Акимович, — положение СССР было бы отчаянным.

Ни господь, ни Жуков — никто бы не помог». Таким образом, получается, что Япония спасла нашу страну во Второй мировой войне.

Исходя из этих своих измышлений президент фонда «Покаяние» предлагает указом Президента РФ или парламентским законом пересмотреть политический и морально-юридический статус войны Советского Союза с Японией. «Назвать, — как он говорит, — вещи своими именами: нападение СССР на Японию — прямой акт агрессии, не спровоцированный никакими японскими действиями». Попытки дискредитировать нашу победу не прекращаются. Однако реальные исторические факты всё это опровергают.

Можно напомнить, например, что в августе 1945 года японские вооружённые силы насчитывали около 7 млн человек, 10 тыс. самолётов и 500 боевых кораблей, тогда как США и их союзники в Азиатско-Тихоокеанской зоне имели порядка 1,8 млн человек и 5 000 самолётов. Если бы СССР не вступил в войну, основные силы Квантунской армии могли быть сосредоточены против американцев, и тогда (как предполагали сами руководители США) боевые действия продлились бы ещё два года и, соответственно, возросли бы потери. Тем более японское командование уже готовилось к применению бактериологического оружия.

После нападения Германии на СССР Япония всю войну держала против нас в Маньчжурии до 40 дивизий (это значительно больше, чем во всей Тихоокеанской зоне), создавая постоянную угрозу нападения. Откладываясь это нападение только из-за стремления осуществить в первую очередь завоевательные планы в Тихоокеанской зоне. В декларации Потсдамской конференции глав союзных государств (17 июля — 2 августа 1945 г.) было заявлено, что «Японии даётся возможность окончить эту войну». Япония отвергла это предложение, и СССР пришлось вступить в войну.

Сдерживающее воздействие на Японию оказывал и урок, преподанный ей Красной армией на Халхин-Голе, а не снисхождение японцев по отношению к нам. На Западе и в Японии неоднократно высказывались предположения, что провокации на озере Хасан и реке Халхин-Гол затевались в те годы по согласованию с германским командованием с целью сковать как можно больше советских войск на Дальнем Востоке.

Что касается советских дивизий, переброшенных с Дальнего Востока осенью 1941 года, то они сыграли, конечно, существенную роль в отражении фашистского наступления на Москву. Однако следует учитывать, что

с Дальнего Востока на советско-германский фронт (а не только под Москву) были переброшены 11 стрелковых дивизий, одна кавалерийская и одна танковая дивизии. Но тогда только в Московской стратегической оборонительной операции участвовали 96 дивизий, 14 бригад и 2 укрепленных района. То есть силы, переброшенные с Дальнего Востока, составляли 11 проц. от общего количества общевойсковых соединений, оборонявших Москву. Вместо них в последующем на Дальнем Востоке были сформированы 22 дивизии. Эти силы и средства, вооружение, которые были крайне нужны на советско-германском фронте, приходилось держать на Дальнем Востоке, поскольку угроза японской агрессии постоянно сохранялась, и нельзя было допустить ведения войны на два фронта.

Ещё 9 декабря 1941 года — сразу после нападения японцев на базу американского Тихоокеанского флота Пёрл-Харбор — президент США Ф. Рузвельт настоятельно просил Председателя Совнаркома СССР И.В. Сталина выступить против Японии. В то время советское руководство не сочло это возможным, исходя из того, что «главным нашим общим врагом является всё же гитлеровская Германия. Ослабление сопротивления СССР германской агрессии привело бы к усилению держав оси в ущерб СССР и всем нашим союзникам». Чем более успешно мы действовали против Германии, тем меньше шансов оставалось для выступления Японии против нас. Всё это говорит о том, что попытки изобразить Японию чуть ли не спасительницей России совершенно несостоятельны.

В свете всего этого неправомерно говорить, как это иногда делается, о нарушении Советским Союзом советско-японского Договора о ненападении, который к тому же был денонсирован советским правительством в апреле 1945 года. Необъявленная война против СССР шла и в период действия договора. Японские войска 779 раз нарушали нашу сухопутную границу и более 400 раз — воздушное пространство. Японский флот незаконно задержал 178 и потопил 18 наших торговых судов. На Дальнем Востоке оказались скованными значительные силы Красной армии, которые было невозможно обратить против Германии. Наконец, Япония продолжала войну против наших союзников. После нападения фашистской Германии на СССР Япония заняла откровенно враждебную позицию по отношению к нашей стране, прямо заявив, что для Японии является первичным Тройственный пакт с Германией и Италией.

США и Англия, используя коренной перелом в войне на советско-германском фронте, восстановили свои силы после поражений 1941—1942 гг. и начиная с 1943 года перешли к активным наступательным действиям против японских войск. Значительные силы японской армии сковывала героическая борьба китайского народа, который с 1931 года противостоял японской агрессии в Маньчжурии; в 1937 году началась прямая агрессия против Китая. Китайский народ в этой борьбе потерял около 35 млн человек. На протяжении многих лет он был главной силой, противостоявшей японской агрессии. Наиболее решительную и принципиальную позицию в борьбе против японских захватчиков занимала Компартия Китая. Советский Союз в трудное для себя время посылал много вооружения Китаю с целью его поддержки в противостоянии японской агрессии.

Весной 1945 года правительство Японии предлагало СССР выступить посредником между США и Японией в прекращении войны, соглашаясь в этом случае передать нам Сахалин и Курильские острова. Советское правительство имело возможность решить свои территориальные проблемы без вступления в войну. Но

Переговоры советского командования с представителями штаба Квантунской армии об условиях капитуляции японских войск
Чанчунь, 1945 г.

это было бы равносильно сговору с Японией. СССР не мог на это пойти и считал нужным до конца выполнить свой союзнический долг. Кроме того, только путём вступления в войну можно было помочь в освобождении Китая и Кореи от японских захватчиков.

В начале августа 1945 года США пошли даже на применение атомных бомб по городам Хиросима и Нагасаки. Но и при этих обстоятельствах Япония всё же не собиралась капитулировать. Было ясно, что без Советского Союза война затянется. Ещё в ходе Ялтинской конференции (4—11 февраля 1945 г.) главы правительств союзных государств обратились к Председателю Совнаркома СССР И.В. Сталину с просьбой вступить в войну против Японии через 2—3 месяца после капитуляции Германии. СССР, верный своим союзническим обязательствам, начал военные действия против Японии ровно через 3 месяца, что обеспечило ускорение окончания Второй мировой войны.

Замысел Маньчжурской стратегической операции советских войск

Между поражением Германии и началом военных действий против Японии был лишь кажущийся для неосведомлённых людей разрыв во времени. В действительности все эти три месяца шла огромная работа по планированию, перегруппировке войск и подготовке их к боевым действиям. На Дальний Восток были переброшены 400 тыс. человек, 7 000 орудий и миномётов, 2 000 танков и САУ, 1100 самолётов.

Задачи, которые решались в войне с Японией, были те же, что в Великой Отечественной в целом, — ликвидация военной опасности извне. План обороны страны в те годы исходил из единого стратегического замысла противостояния военным угрозам на Западе (против Германии) и на Востоке (против Японии). Главная цель состояла в том, чтобы в случае агрессии разгромить противников последовательно. Поэтому как в научном плане, так и с точки зрения исторической справедливости нельзя признать обоснованными суждения некоторых историков, считающих войну СССР против Японии чем-то отдельным, обособленным от Великой Отечественной войны, и тем самым пытающихся исключить солдат, матросов и офицеров, воевавших с милитаристской Японией, из числа участников Великой Отечественной войны.

Замысел Маньчжурской стратегической наступательной операции состоял в том, чтобы концентрическими, рассекающими ударами Забайкальского фронта (Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский) со стороны Монголии и 1-го Дальневосточного фронта (Маршал Советского Союза К.А. Мерецков) — из Приморья, 2-го Дальневосточного фронта (генерал армии М.А. Пуркаев) — с севера при активном содействии Тихоокеанского флота (адмирал И.С. Юмашев) расчленив, окружить и уничтожить или вынудить к капитуляции Квантунскую армию — мощное войсковое объединение Японии на материке. Одновременно проведением десантных операций освободить южную часть о. Сахалин и Курильские острова.

Операцию предстояло проводить против очень сильной группировки противника, насчитывавшей около 1 млн человек, 6260 орудий и миномётов, 1150 танков, 1500 самолётов. Вдоль границы враг создал долговременные укрепления.

Подготовка операции осуществлялась заранее. В Генштабе эта работа началась сразу после Ялтинской конференции. Маршал Советского Союза К.А. Мерецков с оперативной группой выехал на Дальний Восток после капитуляции Финляндии в конце 1944 года,

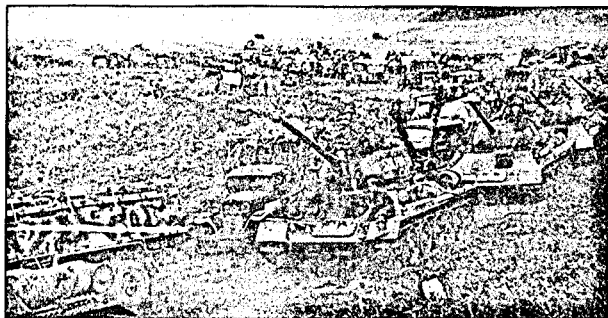
где изучил обстановку и выработал предложения по подготовке операции. Её планирование осуществлял Генштаб. Непосредственная подготовка операции с подключением командования фронтов началась весной 1945 года.

3 августа 1945 года Маршал Советского Союза А.М. Василевский, назначенный главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке, и начальник Генерального штаба генерал армии А.И. Антонов докладывали Верховному главнокомандующему И.В. Сталину окончательный план Маньчжурской стратегической операции. Василевский предлагал начать наступление только силами Забайкальского фронта, а в полосах 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов проводить лишь разведку боем с тем, чтобы главными силами этих фронтов перейти в наступление через 5—7 суток. Сталин с таким предложением не согласился и распорядился начать наступление одновременно всеми фронтами. И, как показали последующие события, такое решение Ставки ВГК было более целесообразным, поскольку разновременный переход фронтов в наступление лишал дальневосточные фронты внезапности действий и позволял командованию Квантунской армии маневрировать силами и средствами для последовательного нанесения ударов на монгольском и приморском направлениях. Это ещё один штрих к спорам о том, разбирался или не разбирался Сталин в оперативно-стратегических вопросах.

После Парада Победы в июне 1945 года все командующие выехали к местам назначения для подготовки операции. Сложность её состояла не только в том, что все подготовительные мероприятия предстояло осуществить в условиях, когда не было официального состояния войны с Японией. Опыта, когда Красная армия первой начинала бы военные действия (за исключением Советско-финляндской войны 1939—1940 гг.), вообще не было, и поэтому условия ведения операции, особенно перехода в наступление, существенно отличались от тех, что были на советско-германском фронте. Именно из этого вытекали особенности и некоторые новшества в военном искусстве.

В чем они состояли? Во-первых, особое значение придавалось обеспечению скрытности всех подготовительных мероприятий, внезапности перехода в наступление. Например, с запада на восток в первую очередь перебрасывались те соединения, которые в своё время были направлены с Дальнего Востока на советско-германский фронт. При отсутствии состояния войны информацию о противнике можно было получить при помощи агентурной и радиоразведки или наблюдения. Эти способы получения информации не могли дать полных, точных и достоверных сведений о противостоявшей группировке и планах японского командования. Заросшая лесом таёжная местность затрудняла наблюдение. Воздушную разведку с нарушением границы или разведку боем также невозможно было вести. А без достоверных данных о противнике, особенно о состоянии его объектов и огневых средствах, не представлялось возможным конкретно спланировать и осуществить эффективное боевое применение артиллерии и авиации.

Во-вторых, с точки зрения соблюдения скрытности было нецелесообразно до начала военных действий выдвигать в приграничную зону, в исходное положение для наступления большое количество соединений и частей, в том числе артиллерию. Прорыв же укреплённых районов по канонам военного искусства требовал организации мощной артподготовки, наступления

Переход частей Красной армии через Большой Хинган в 1945 г.

из положения непосредственного соприкосновения с противником.

Учитывая всё это, Главное командование советских войск на Дальнем Востоке первоначально предполагало провести артиллерийскую и авиационную подготовку в течение трёх суток, создав на направлении главного удара плотность до 250 орудий и миномётов на 1 км фронта. Но было ясно, что в период длительной артподготовки противник, особенно в глубине обороны, сможет изготовиться для отражения нашего наступления. Проведение короткой и мощной артподготовки (в течение 1—1,5 часа) не обеспечивало надёжности огневого поражения противника. Этот вопрос не раз обсуждался на встречах руководящего состава, шёл мучительный поиск наиболее целесообразного решения.

Во второй половине июля А.М. Василевский вместе с К.А. Мерецковым прибыл на КП 5-й армии (с 5 августа вошла в состав 1-го Дальневосточного фронта) в районе г. Кабанья (вост. Духовской), чтобы при участии командиров некоторых соединений ещё раз рассмотреть вопрос о способе перехода в наступление. Командарм генерал-полковник Н.И. Крылов предложил начать наступление вообще без артподготовки, внезапно перейдя госграницу ударными передовыми батальонами. Главные силы до начала перехода государственной границы предполагалось держать в глубине, часть артиллерии выдвинуть ближе к границе и иметь в готовности к открытию огня. После напряжённых раздумий, анализа всех плюсов и минусов предложение командующего армией было утверждено.

Подготовка штабов и войск

Как и в лучших операциях, проведённых на советско-германском фронте, обращает на себя внимание исключительная конкретность в работе командования и штабов всех звеньев при подготовке Маньчжурской операции. Всё было подчинено скрытности подготовительных мероприятий и обеспечению внезапности действий. После определения командующими замысла решения к планированию операции допускался ограниченный круг должностных лиц. Все документы исполнялись лично этими лицами без привлечения чертёжников, машинисток и другого технического персонала. Например, в штабе 5-й армии мне пришлось работать в составе группы планирования во главе с начальником штаба армии генерал-лейтенантом Н.Я. Прихидько. В районе ст. Мучная нас разместили в отдельном, строго охраняемом домике, откуда никого не выпускали, даже еду приносили часовые. Отдыхали там же, хотя и удавалось это редко. Работать приходилось почти круглыми сутками.

После рассмотрения и утверждения командующим выработанные решения и планы доводились (в части

касающейся) до подчинённых инстанций. Основные усилия командующих и штабов сосредоточивались в войсках на организации, боевом, тыловом и техническом обеспечении боевых действий. Учитывая большую роль передовых батальонов в этой операции, на 1-м и 2-м Дальневосточных фронтах их подготовкой занимались наиболее тщательно. В нашей 5-й армии, например, эту задачу непосредственно на себя взял командующий генерал-полковник Н.И. Крылов.

С офицерским составом на картах и макетах местности были детально, скрупулёзно отработаны порядок скрытного выдвижения батальонов и перехода ими границы во взаимодействии с группами пограничников, которые досконально знали местность. В каждой дивизии были созданы учебные поля, которые воспроизводили районы обороны японцев со всеми заграждениями, долговременными огневыми точками, системой охраны и обороны. На этих учебных полях в течение недели шли тактико-строевые занятия с многократным повторением наиболее сложных приёмов действий и по взаимодействию между подразделениями различных родов войск.

Затем в течение 10—12 дней проводилось по 5—6 комплексных учений (большинство из них ночью) с привлечением всех сил и средств, участвующих в боевых действиях. В каждом таком учении участвовали командиры и штабы дивизий и полков, командиры и штабы дивизионных и полковых артиллерийских групп, авианаводчики, в полном составе передовые батальоны со всеми средствами усиления. В заключение в каждой дивизии проводилось контрольное учение под руководством командующего армией, где окончательно уточнялись и проверялись все вопросы организации и ведения боевых действий.

Условия Дальневосточного ТВД усложняли управление войсками и поддержание связи (удаление КП фронтов от КП Главкомата — до 3 000 км, КП фронтов от армий — до 400—1000 км).

Следует также подчеркнуть, что в отличие от других стратегических операций Великой Отечественной войны, где наспех создавались главкоматы войск направлений (1941 г.), а представители Ставки ВГК базировались в своей работе на пунктах управления и средствах связи фронтов, для управления войсками в Маньчжурской операции было развёрнуто полноценное и заранее подготовленное Главное командование советских войск на Дальнем Востоке (главком — Маршал Советского Союза А.М. Василевский, член военного совета — генерал-полковник И.В. Шикин, начальник штаба — генерал-полковник С.П. Иванов, заместитель главкома по ВМФ — адмирал флота Н.Г. Кузнецов). Оно имело свой командный пункт, свои линии и средства связи.

Вследствие этого Главкомат войск Дальнего Востока в 1945 году был более совершенным, чем институт представителей Ставки ВГК в период войны против фашистской Германии, особенно с точки зрения оперативного управления войсками (силами) в ходе операции. Однако и в стратегической операции на Дальнем Востоке планирование, подготовка оперативных директив фронтам, все виды снабжения войск осуществлялись Ставкой ВГК, Генштабом, соответствующими органами Наркомата обороны. А.М. Василевский со своей оперативной группой включился в работу по подготовке операции практически в конце апреля 1945 года, хотя официальное постановление ГКО о назначении главкома, создании штаба и других органов было подписано 30 июля, т.е. перед началом операции (видимо, из соображений оперативной маскировки).

Главная установка на достижение скрытности подготовки операции и внезапности действий накладывала свой отпечаток и на деятельность командования и штабов. Были приняты строгие меры маскировки перегруппировки войск с запада. Никто, даже офицеры штабов, не знал, куда и с какой целью перебрасываются войска.

В пограничной зоне соблюдался обычный режим. Рекогносцировки проводились совместно с пограничниками и в форме погранвойск. Всюду были усилены охрана и пропускной режим, чтобы не допустить проникновения японской разведки и утечки информации о подготовке наступления. Скрытности способствовал и выбор времени начала операции. Как потом показали пленные японские генералы, они полагали, что советское наступление если и состоится, то не раньше сентября (в наиболее сухое время), но не в августе, когда идут сильные дожди и дороги раскисают, становясь непроходимыми для техники.

Большое внимание уделялось подбору кадров. К.А. Мерецков был назначен с Карельского на 1-й Дальневосточный фронт, Р.Я. Малиновский со 2-го Украинского, воевавшего в Карпатах, — на Забайкальский фронт, где были примерно схожие условия местности. Конкретно подбирались командармы и командиры дивизий с учётом того, кто из них имел больше опыта в прорыве обороны, в действиях в оперативной глубине и т.д. Для усиления войск Дальнего Востока с западных фронтов были направлены 10 тыс. офицеров, имеющих боевой опыт.

В связи с этим возникали и сложные моменты. Известно, что многие командующие и командиры, находящиеся на Дальнем Востоке, во время войны неоднократно подавали рапорты с просьбой о направлении их на фронт. Но им объясняли, что они должны выполнять боевые задачи и нужны здесь. Но когда настала пора ведения наступательных боевых действий на Дальневосточном ТВД, их начали сменять командиры, прибывшие с запада. Были конфликты, эксцессы, обиды, порой смертельные. По-человечески, на уровне эмоций, чувств, военачальников, сменяемых накануне долгожданного наступления, можно понять. Но нельзя было допустить и того, чтобы войсками командовали генералы и офицеры без опыта, когда имелись закалённые, опытные кадры. Ложно понята «справедливость» к отдельным личностям обернулась бы высшей несправедливостью к войскам, которые несли бы излишние потери из-за неопытности своих командиров. Как показывает опыт, военного человека никогда нельзя награждать должностью. На должность, особенно в боевой обстановке, следует ставить того, кто может лучшим образом и с наименьшими потерями выполнить поставленную задачу.

Главком А.М. Василевский, командующие фронтами, армиями, командиры соединений немало потрудились и над тем, чтобы переломить психологию командиров, воевавших на западе и нередко пытавшихся перенести опыт боевых действий на советско-германском фронте на новый для них ТВД без учёта весьма существенных особенностей обстановки на Дальнем Востоке. Немало усилий потребовалось К.А. Мерецкову, Н.И. Крылову и другим, чтобы убедить многих командиров дивизий и полков в целесообразности начала наступления без артподготовки. Однажды при отработке возможного хода боевых действий на макете местности после подробных объяснений преимуществ внезапности Н.И. Крылов спросил: «Все ли убеждены, что артподготовку не надо проводить?» На это один из командиров дивизий ответил: «А может быть, хоть короткую

артподготовку провести?» Командиру, привыкшему всю войну наступать только после артподготовки, трудно было психологически перестроиться и осознать целесообразность иного способа ведения боевых действий, диктуемого особенностями политической и военной обстановки на новом ТВД.

Управление войсками в ходе операции

Маньчжурская операция началась в 1 час ночи (по хабаровскому времени) 9 августа 1945 года. В это время в Приморье шёл ливневый дождь, что затрудняло ориентировку и действия войск, но вместе с тем способствовало скрытности. Передовые батальоны в сопровождении пограничников без открытия огня бесшумно перешли границу и в ряде мест овладели долговременными оборонительными сооружениями врага ещё до того, как японские расчёты успели их занять и открыть огонь.

Это создало условия для быстрого продвижения главных сил дивизий первого эшелона в глубину обороны противника. В некоторых местах, например в районе Гродеково, где японцам удалось своевременно обнаружить выдвижение наших ударных батальонов и занять оборону, боевые действия затянулись. Но такие узлы сопротивления умело обходились нашими войсками. Из некоторых дотов японцы продолжали отстреливаться в течение 7—8 суток. Это ещё раз говорит о том, что если бы наступление началось не с внезапной атаки, а после длительной артподготовки, то противник успел бы занять оборону на всех участках, военные действия и в целом война могли затянуться, да и потери были бы более значительными.

Весь опыт Великой Отечественной войны показал, что чем лучше продумана и спланирована операция, тем меньше возникает управленческих проблем и тем меньше требуется вмешательства в действия войск в ходе операции. Но всё заранее предусмотреть никогда не удаётся. Если в условиях противодействия противника возникают непредвиденные обстоятельства, затруднения, то и в войсках, на поле боя не всё получается, как задумано. И в ходе Маньчжурской операции, которая в целом развивалась весьма успешно, было немало случаев, когда вышестоящим инстанциям приходилось вмешиваться и соответствующим образом воздействовать на подчинённых. Особенно строго пресекались неточности в докладах об обстановке. В частности, за это были наложены взыскания на должностных лиц штабов 17-го стрелкового и 10-го механизированного корпусов. Тяжёлый случай произошёл, когда наша авиация допустила грубую ошибку и вместо бомбардировки объектов противника в районе ст. Эхо нанесла удары по своим войскам в районе Мулина (главным образом по зенитной артиллерии и тылам 5-й армии). На Тихоокеанском флоте пришлось возвращать из района десантирования некоторые корабли из-за непродуманной погрузки. То, что требовалось войскам после высадки в первую очередь (боеприпасы), и погрузили в первую очередь. В итоге боеприпасы оказались завалены мукой и другими грузами.

В тяжёлом положении оказались авангардные части Забайкальского фронта после преодоления Хинганских гор, поскольку дороги были забиты войсками и техникой, так что в передовые отряды невозможно было доставить дизельное и автомобильное топливо. В срочном порядке пришлось задействовать для этого транспортную авиацию.

В ряде районов в полосах наступления Забайкальского и 2-го Дальневосточного фронтов в глубине обороны противника нашим войскам всё же пришлось

преодолевать ожесточённое сопротивление японских войск. В полосе 5-й армии упорные бои развернулись (автору пришлось это видеть лично) в районе Муданьцзяна. Противник предпринимал и неоднократные контратаки. Но они умело отражались упреждающими ударами авиации и встречными действиями наших войск. Стремительно развивая наступление, войска Забайкальского фронта продвинулись к 14 августа до 400—450 км, 1-го Дальневосточного фронта — до 200—250 км, 2-го Дальневосточного — до 100—150 км. Тихоокеанский флот осуществил высадку десантов в Корею и на Курильских островах.

Президент российско-японского фонда «Покаяние» В.А. Архангельский утверждает, что «по рескрипту императора Хирохито Квантунская армия, кроме отдельных очагов, куда приказ о капитуляции вовремя не поступил, добровольно сложила оружие». Но это не соответствует тому, что было в действительности. 14 августа японское командование обратилось с предложением о заключении перемирия. Но практически военные действия со стороны противника не прекращались. Лишь через три дня Квантунская армия получила приказ своего руководства о капитуляции. Но и он не сразу до всех дошёл, а кое-где японские войска действовали и вопреки приказу. Многие японские офицеры и солдаты не верили, что император Японии мог отдать такой приказ, и считали, что по радио и в разбрасываемых листовках распространяется дезинформация. Практически военные действия шли до сентября. В целом японские войска в большинстве своём довольно упорно сражались. Мне, например, с группой офицеров пришлось заниматься оказанием помощи 84-й кавалерийской дивизии генерал-майора Т.В. Дедеоглу, которая попала в окружение и вела боевые действия до 7—8 сентября.

В ходе операции возникло много сложных военно-политических проблем не только перед командованием фронтов и армий, но и перед командирами, штабами и политорганами соединений и частей в связи с постоянно возникающими конфронтационными ситуациями и столкновениями между Народно-освободительной армией Китая (НОАК) и войсками Гоминьдана (консервативная политическая партия Китайской Республики. — Прим. авт.), различными политическими группировками в Корее, между китайским, корейским и японским населением и т.д. Требовалась постоянная напряжённая работа во всех звеньях управления войсками, чтобы эти вопросы своевременно решать. Китайское и корейское население восторженно встречало советские войска. Части Народно-освободительной армии Китая и корейские партизаны стремились всячески содействовать нам.

В целом тщательная и всесторонняя подготовка к предстоящим боевым действиям, чёткое и умелое управление силами в ходе наступления, самоотверженные и инициативные действия войск обеспечили успешное проведение этой крупнейшей стратегической операции. В результате была полностью разгромлена и выбросила «белый флаг» Квантунская армия. Её потери убитыми составили 84 тыс. человек, взяты в плен свыше 600 тыс. Безвозвратные потери наших войск составили 12 031 человек, получили ранения 24 425 человек.

«Величайшее значение для Англии и США»

В упомянутой статье «Новой газеты» утверждается, что абсолютное большинство захваченных нами японских пленников «не произвели ни одного выстрела по советским войскам». Я, как один из участников боевых

действий в Маньчжурии, утверждаю, что большинство японских солдат стремились при каждой возможности стрелять по нашим военнослужащим и оказывали им упорное сопротивление. Тот, кто в этом сомневается, должен хоть как-то объяснить, кто убил или ранил 36 тыс. наших солдат и командиров. Не самострелы же все они. Нельзя же в угоду кому-то оскорблять сражавшихся на фронте солдат!

В целом Маньчжурская стратегическая операция была осуществлена весьма успешно, её цели были полностью достигнуты, значение, политические и военные итоги огромны. Красная армия полностью и в кратчайшие сроки разгромила наиболее сильную, Квантунскую армию Страны восходящего солнца. Советский Союз, вступив в войну с милитаристской Японией и внося весомый вклад в её разгром, ускорил окончание Второй мировой войны. Ещё раз отметим: сами американские руководители и историки не раз заявляли, что без вступления в войну СССР она бы продолжалась ещё не менее года и стоила бы дополнительно нескольких миллионов человеческих жизней.

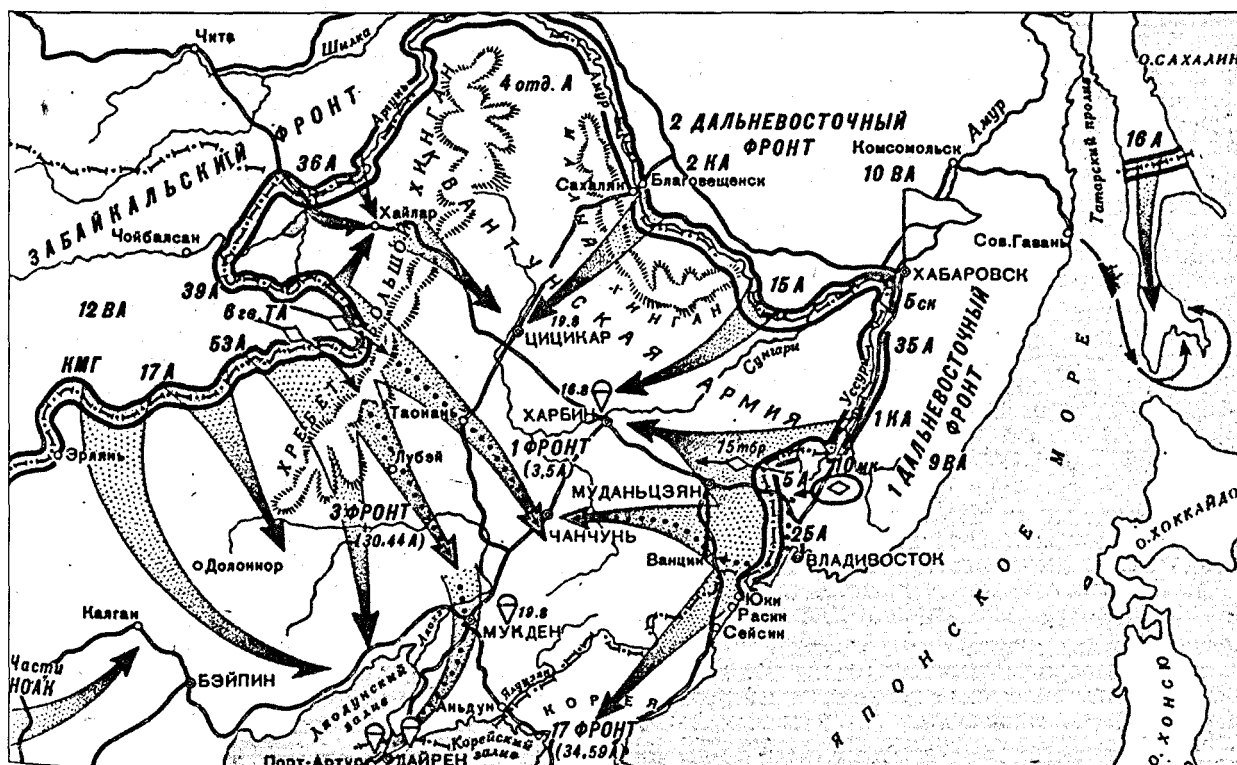
Военный министр США Г.Л. Стимсон в памятной записке президенту США Г. Трумэну от 2 июня 1945 года писал: «Начав вторжение, нам придётся... завершить его даже ещё более жестокими сражениями, чем те, которые имели место в Германии. В результате мы понесём огромные потери и будем вынуждены оставить Японию». Премьер-министр Великобритании (10 мая 1940 г. — 26 июля 1945 г.) У. Черчилль заявил, что согласие советского правительства вступить в войну против Японии «имело величайшее значение» для Англии и США.

Наша общая победа над Японией привела к возвращению исконных российских земель, освобождению народов Китая, Кореи, Вьетнама, Бирмы, к подъёму национально-освободительного движения во всей Азии, Тихоокеанском регионе. Наконец, японский народ получил освобождение от ига милитаризма и вступил в новый этап своего политического и экономического развития. И глубоко символично, что последнее слово на Тихом океане осталось за Советским Союзом.

Политические мародёры из области истории по любому поводу, в том числе и в Маньчжурской и других победоносных операциях, ищут только ошибки, говоря лишь о наших потерях и неудачах. Игнорируя то, что именно продуманные и умелые действия, недюжинное полководческое дарование обеспечили успешное проведение этих операций и привели нас к победе во Второй мировой войне. Как бы тяжело она нам ни досталась, победа — это праздник! Праздник, который не по душе тем, кто рассчитывал на другой исход войны.

В последнее время в общей кампании фальсификации истории Второй мировой войны написано немало небылиц и о Маньчжурской стратегической операции августа 1945 года. Правящая элита Страны восходящего солнца всегда умела находить и нанимать «друзей» на стороне для оправдания своих неблагоприятных действий.

В упомянутом выше интервью В.А. Архангельского «Новой газете» (2004. № 57), говоря о событиях августа 1945 года, он прямо заявил: «Войны как таковой не было, хотя Квантунская армия потеряла 84 тыс. убитыми (как же можно «потерять» столько людей без войны? — Прим. авт.). Не было и победы. Поэтому не может быть и праздника победы над Японией». Заведомая ангажированность автора видна уже по тому, что он полон гнева по поводу гибели японцев в советском плену и не находит нужным не то чтобы

Маньчжурская стратегическая наступательная операция советских войск на Дальнем Востоке в 1945 г.

осудить, но хотя бы упомянуть о гибели сотен тысяч мирных жителей Хиросимы и Нагасаки в результате американских атомных бомбардировок. В этом вся нечистоплотная суть ниспровергателей нашей победы.

Если бы Маньчжурская операция застопорилась, то сегодня бы летели стрелы и молнии в адрес её организаторов и участников, смаковали бы информацию о её провале, слабости и отсталости нашей армии и бездарности командования. Но она завершилась большим успехом! Противник был ошеломлён и подавлен, озадачены союзники, такой блестящей концовки не прогнозировало даже наше руководство. Молниеносный разгром сильнейшей группировки войск противника показал всю мощь Красной армии, воинскую доблесть, опыт и мастерство личного состава, зрелость и полководческий талант её командиров. Теперь же нам говорят, что ничего не надо было делать, противник бы и без этого сдался. И рейтинг главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке А.М. Василевского как полководца уже не тот. К этому ведь клонят.

Ещё раз напомним слова Ф.И. Тютчева, заметившего в России явление, которое он назвал «наиболее прищипанной наклонностью», что выражается в стремлении «подходить ко всем вопросам с их самой мелочной и гнусной стороны, потребность проникнуть в хоромы через задний двор. Это в тысячу раз хуже невежества». Нечто похожее происходит и в наше время. Можно, конечно, под воздействием политики «продвижения демократии» и выделяемых для этого средств писать что угодно. Но должно же быть у людей хоть какое-то профессиональное достоинство, элементарное уважение к делам и интересам своей страны. Сегодня по всему периметру наших границ, начиная с Прибалтики и заканчивая Кавказом и Дальним Востоком, к России предъявляются территориальные и другие претензии. И вообще всем мы что-то должны. Только нам никто и

нигде ничего не должен. И всюду при рассмотрении этих проблем находятся люди, у которых нет никакого сочувствия к своему Отечеству, поэтому они самыми непристойными методами поддерживают любые силы и государства, выступающие против нашей страны. Касаясь темы сегодняшнего разговора, это особенно заметно по публикациям о судьбе японских пленных и так называемых северных территориях.

Кто выдумал «Сибирскую Хиросиму»?

Как известно, Советский Союз вступил в войну против Японии по настоятельной просьбе союзников — США и Великобритании. Вступление в войну СССР ускорило разгром японской Квантунской армии и завершение Второй мировой войны. Однако в последние годы появляется всё больше «исследований», извращающих события того времени. В них ставится под сомнение правомерность и необходимость вступления нашей страны в войну против Японии в 1945 году, принижается роль Красной армии в достижении победы над милитаристской Японией.

В публикациях на эту тему в извращённом виде представлена проблема японских военнопленных. Эта тема в «Новой газете» даже обозначена как «Сибирская Хиросима». Однако все эти вопросы в ряде случаев толкуются без учёта всей сложности обстановки и некоторых важных обстоятельств того времени. Как один из пока ещё живых свидетелей этих событий хотел бы напомнить некоторые из них.

Всего за период войны с Японией (9 августа — 2 сентября 1945 г.) советскими войсками были захвачены в плен и взяты на учёт в качестве военнопленных 639 635 солдат и офицеров противника. Из них 65 245 были освобождены распоряжением военного командования с августа по декабрь 1945 года; 15 986 военнопленных умерли от ран и болезней во фронтовых лагерях. По данным тогдашнего НКВД, на территорию

СССР были вывезены 546 086 человек. Такие цифры называл и автор многочисленных работ по проблемам военнопленных и интернированных, их содержания и трудового использования военный историк доктор юридических наук, профессор В.П. Галицкий, специально исследовавший этот вопрос².

К концу 1956 года на родину были репатриированы 577 567 японцев (основная масса из них — более 400 тыс. — в период с 1945 по 1948 г.). К этому времени по различным причинам в плену умерли 62 068 военнопленных (это включая тех 15 986, что умерли во фронтовых лагерях). После 1956 года в СССР оставались 1036 бывших военнослужащих японской армии, осуждённых за различные военные преступления. В последующем назывались и некоторые другие данные. Почему происходил такой разбой в цифрах?

Официально войскам было дано указание в плен брать только японских военнослужащих. Но в ходе боевых действий и при занятии городов, других населённых пунктов было трудно, а иногда практически невозможно отличить полицейских и чиновников от военнослужащих и установить их принадлежность к тому или иному ведомству. Некоторые из них переодевались в гражданскую одежду, а порою чиновники просто предпочитали сдаться в плен советским войскам, не желая оставаться без защиты и гарантий безопасности среди враждебно настроенного китайского или корейского населения.

На основании приказа ВГК № 15147 командующие фронтами отдали распоряжения освободить из лагерей и распустить по домам следующие категории военнопленных: бывших солдат и офицеров армии Маньчжоу-Го (марионеточное государство, образованное японцами на оккупированной ими территории Маньчжурии с 1 марта 1932 г. по 19 августа 1945 г. — Прим. авт.), китайцев, корейцев, маньчжурцев, монголов и т.д. В плену оставались лишь японцы и русские белоэмигранты. Это свидетельствует о несостоятельности разговоров о том, что в лагерях военнопленных собрали и держали кого угодно, в том числе гражданских людей.

23 августа 1945 года был подписан приказ об отправке на территорию СССР 500 тыс. военнопленных. В ноябре—декабре, когда основная группировка наших войск покинула Маньчжурию (кроме Порт-Артура и Дальнего), последовала команда: часть войск и японских военнопленных оставить на территории Китая до весны 1946 года. Например, в нашей 5-й армии, дислоцировавшейся в северной части Маньчжурии, на 5 октября 1945 года находились 71 895 военнопленных. Из них сформировали 57 строительных батальонов. После отправки этих батальонов в Хабаровск и Барнаул в лагерях остались 14 895 военнопленных. Причём, как свидетельствуют документы и очевидцы, строительные батальоны были обеспечены всеми положенными нормами продовольствия и вещевого имущества. Потребность в продовольствии исчислялась по нормам, существовавшим в японской армии.

Говоря о проблеме военнопленных, следует учитывать и сложность складывавшейся тогда обстановки, в частности обострение гражданской войны в Китае. К примеру, глава гоминьдановского правительства и главнокомандующий вооружёнными силами Китая генералиссимус Чан Кайши стремился затянуть вывод советских войск, опасаясь, что города и районы, покинутые частями Красной армии, будут заняты сторонниками компартии Китая. А от того, остаются советские войска в Китае или уходят, зависела и судьба военнопленных. Как писал верховный командующий

союзными войсками на Тихом океане генерал армии Дуглас Макартур, планами США предусматривалось «не позволять советским войскам войти в боевой контакт с Народно-освободительной армией Китая, помешать объединению сил коммунистов Китая с Красной Армией в Северо-Восточном и Северном Китае».

Кстати, и И.В. Сталин стремился налаживать отношения с китайским правительством Чан Кайши (в 1945 г. с этим правительством был заключён долгосрочный договор). Принимались также все меры для того, чтобы не давать никакого повода для осложнения отношений с американцами. Об этом можно судить по директиве Генштаба командующему войсками Забайкальского военного округа Маршалу Советского Союза Р.Я. Малиновскому³.

«С пленными обращаться хорошо»

В фальсификациях истории войны особое внимание уделяется вопросу о японских военнопленных. Поэтому представляется весьма важным и своевременным сказать об этом подробнее.

Для объективного рассмотрения вопроса о военнопленных надо попытаться поставить себя на место политического руководства СССР и советского командования того времени. Война закончилась, японская армия капитулировала. Но что делать с военнопленными численностью более 600 тыс.? Казалось бы, ответ прост: возвратить японской стороне. Но как это сделать в условиях, когда Советский Союз вступил в войну против Японии по настоятельной просьбе союзников, воевали вместе, а мирный договор заключили без участия СССР?

Понятно, что формально, то есть с точки зрения международных правовых норм, можно в определённой мере упрекнуть советскую сторону за задержку военнопленных. Но как нужно было поступать, когда страну, потерявшую в войне почти 30 млн человек, внёсшую весомый вклад в победу, после войны отеснили в сторону от процесса урегулирования обстановки вокруг Японии? Скажем, были нарушены союзнические соглашения об участии советских войск в контроле японской территории. После всего этого любая уважающая себя страна вправе была оставить за собой хоть какие-то рычаги влияния на послевоенные японские дела. Для этого в определённой мере использовалась и проблема военнопленных.

Во всяком случае, ясно одно, что нежелание Японии заключить мирный договор с СССР, её сугубо проамериканская и антисоветская политика (иногда противоречащая японским интересам) во многом затормозили решение вопроса о военнопленных. Кроме того, с точки зрения сугубо практической невозможно было — даже при желании советского правительства — в первое послевоенное время возвратить Японии военнопленных. Нельзя было ответить даже на такой вопрос: «Кому их передавать?» Сложившейся самостоятельной японской администрации ещё не существовало. Передавать японских военнопленных американскому командованию было нелепо. На территории Германии в 1945 году наши войска в ряде случаев сознательно давали возможность отойти в зону союзников отступавшим германским войскам. Как теперь стало известно из опубликованных британских документов, глава правительства Великобритании в годы войны У. Черчилль распорядился вооружать и готовить их для возможных боевых действий против советских войск. И наше командование имело об этом информацию ещё в то время, так что приходилось быть начеку и на Дальнем Востоке. Да и не положено военнопленных так, из рук в руки, передавать.

Были сложности и с транспортировкой. Доставлять пленных в Японию можно было только морем. Достаточным количеством подходящих судов для перевозки полумиллионной армии наша страна не располагала. Тем не менее при всех этих сложных обстоятельствах военнопленных начали отправлять в Японию уже в 1946 году.

При рассмотрении технической стороны этого вопроса (в отрыве от военно-политических аспектов) делались предположения о возможности оставления военнопленных в Маньчжурии и передачи их китайской стороне. Но в то время власть на местах в Китае часто менялась, следовательно, надёжной администрации, чтобы контролировать лагеря военнопленных, не существовало. Важно и то, что японцы, особенно генералы и старшие офицеры, как только возникли слухи о возможной их передаче китайской стороне, обратились к представителям нашего командования с настоятельной просьбой не делать этого. Они прямо заявили, что сдаваться китайцам не будут. И основания для этого у них были весьма существенные. Преступления японской военщины перед китайским народом были велики, кровавые дела самураев оставили в душах людей неизгладимые следы, которые требовали отмщения. Японское командование вполне справедливо ожидало самосуда за те злодеяния, что осуществили на китайской земле захватчики, выполняя приказы своих начальников. Не отличались дисциплиной и порядком и правительственные китайские войска. Поэтому ожидать от них соблюдения общепринятых международных норм обращения с военнопленными тоже не приходилось. Когда в районе Дуньхуа один из лагерей (при выводе некоторых частей Красной армии) был временно передан гоминьдановским войскам, то китайцы разогнали военнопленных, часть убили, а запасы продовольствия, оставленные нашей армией для снабжения пленных, просто-напросто отобрали. В октябре 1945 года поступило распоряжение выпустить на свободу служащих и рабочих японской армии, не состоявших на военной службе. Однако большинство этих людей отказывались покидать лагерь. И не без основания — давала о себе знать нескрываемая ненависть к дальневосточному агрессору со стороны местного населения. Объективности ради надо сказать, что японцы, притом не только военнослужащие императорской армии, но и представители администрации и деловых кругов, в период своего господства на Азиатском континенте всячески притесняли китайцев, корейцев, маньчжур, монголов и создавали для них довольно жестокий режим существования. На благодарность, снисхождение или хотя бы милосердие к себе со стороны коренного населения они не рассчитывали.

Именно с учётом всех этих обстоятельств советским руководством было принято решение основную часть военнопленных отправить в лагерь НКВД на территории СССР. Дислоцировались пункты размещения пленных не только в Средней Азии, где не бывает лютых морозов. Были и в других районах, в том числе в Сибири. Все тяжёлые бывшие японские военнослужащие, в первую очередь инфекционные, были оставлены на территории Маньчжурии в специально оборудованных лагерях и переданы местным китайским властям. Для контроля соблюдения условий содержания военнопленных здесь оставались небольшие группы советских сержантов и офицеров.

Что касается условий содержания и питания военнопленных в советских лагерях на территории Китая, то могу со всей ответственностью заявить, что они в

**Население Маньчжурии приветствует
военнослужащих Красной армии и моряков
Амурской военной флотилии**

основном соответствовали установленным нормам. Достаточно посмотреть директиву Ставки ВГК № 11126 от 17 августа 1945 года за подписями Верховного главнокомандующего Красной армией И.В. Сталина и начальника Генерального штаба генерала армии А.И. Антонова, где прямо сказано: «С пленными японцами обращаться хорошо»⁴. И в том, что это требование соблюдалось, можно не сомневаться. Что-то, а приказы в те времена строго выполнялись.

Впрочем, надо признать и то, что создать нормальные условия существования военнопленным в первую послевоенную зиму было довольно трудно. Представьте себе обстановку в ноябре—декабре 1945 года, когда часть наших войск уже убыла на территорию СССР, а остальным было приказано зимовать на территории Маньчжурии. Начались ранние морозы. Советские войска с трудом устроились в бывших японских городках, а часть — даже в полевых условиях. А военнопленные только частично были размещены в стационарных помещениях. Основная их масса к началу октября как была, так и осталась в поле, в палатках. Поэтому лагеря пришлось наспех и в срочном порядке готовить к зиме.

Из этого исторического эпизода нашим политикам и дипломатам следовало бы извлечь хоть какие-то уроки. Обычно в истории у всех есть огрехи, а в адрес дипломатии раздаются лишь аплодисменты. Но в данном случае кое-кто из тех, кто так легко и беззаботно переносил сроки вывода войск из Китая, должен же был помнить, что есть ещё военнопленные, понимать что значит обустройство на новых местах большой массы войск и тем более лагерей для военнопленных.

Для усиления контроля деятельности администрации лагерей в каждой армии были созданы оперативные группы. Опергруппу 5-й армии было поручено возглавить мне. Мы требовали строгого соблюдения температурного режима в жилых помещениях, санитарных условий, установленных правил содержания бывших японских военнослужащих. Пленные были распределены по подразделениям во главе с офицерами и унтер-офицерами (которые, кстати, нередко обращались со своими солдатами довольно жестоко, нам часто приходилось это пресекать). Ежедневно проводились утренние и вечерние проверки. Поэтому разговоры насчёт того, что «учёт не вёлся, списков не было», — это досужие вымыслы.

Были временно изъяты из состава наших соединений и развёрнуты в районах расположения лагерей военнопленных 2 армейских полевых госпиталя, 10

медико-санитарных батальонов и рот. В результате смертность среди военнопленных резко сократилась. Однако от тяжёлых инфекционных заболеваний страдали и умирали не только пленные японцы, но и многие советские люди из числа медицинского и административного персонала, работавшие в лагерях. К сожалению, и автору этих строк в 1946 году пришлось перенести сыпной тиф в тяжёлой форме.

Не берусь судить, в каких условиях содержались военнопленные в Сибири, но даже с учётом описанных много раз нравов и порядков нашего НКВД можно не сомневаться, что и там японцы не содержались в таких ужасных условиях, как это было в японских лагерях для советских военнопленных в 1921—1922 гг. на Дальнем Востоке. Я уже не говорю о германских фашистских концентрационных лагерях, где в результате голода и истязаний погибли более 3 млн советских военнопленных. Известно, что в лагерях японских военнопленных соблюдались все их национальные обычаи и праздники, практиковались самоуправление и самообслуживание, выпускались свои газеты, создавались клубы по интересам. Если вспомнить о том, в каких тяжёлых условиях жил наш народ в первые послевоенные годы (в ряде районов питание населения было хуже, чем у японских пленных), то вообще грех на нас обижаться, да ещё предъявлять какие-то претензии. Во всяком случае, со стороны администрации каких-либо репрессий к военнопленным не применялось.

К тому же и сами бывшие японские военнопленные помнят не только плохое. Так, президент Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных заявил, что в плену было тяжело. «Но помню не только ужасы сталинских лагерей. В 1946 году я попал в спецгоспиталь № 2 в сибирском посёлке Новочунка, — вспоминал он. — От смерти меня спасли советские врачи и медсестры. Благодарность к ним в моей памяти постоянна. Тысячи японцев чувствуют то же самое по отношению к вашим людям»⁵. Глава японской парламентской делегации Итира Конно после посещения лагеря № 48 в Ивановской области, где содержался офицерский состав старшего звена, был удивлён хорошими условиями содержания военнопленных⁶.

Японцы, как правило, официально не хотели признавать себя военнопленными. И это можно понять: в японской армии плен считается тягчайшим позором. Например, после поражения на реке Халхин-Гол в 1939 году многие возвращённые нашей стороной пленные были казнены самими японцами. Однако суждения о том, что японских солдат нельзя считать военнопленными, несостоятельны. Советский Союз находился в состоянии войны с Японией, с обеих сторон велись боевые действия. Они были военнопленными, и по отношению к ним в основном соблюдались все нормы международного права.

Прискорбный факт задержки японских военнопленных в СССР до 1956 года также был порождён не только советской стороной. Согласно Женевской (1929 г.) и Гаагской (1907 г.) конвенциям пленных положено было освобождать после акта окончания войны. СССР и Япония только 19 октября 1956 года заключили соглашение о прекращении состояния войны, а мирный договор до сих пор так и не заключён. В свете всего этого просто неуместны заявления о том, что в бедствиях бывших японских военнопленных и послевоенной неурегулированности российско-японских отношений была повинна только российская сторона.

В.А. Архангельский в связи с войной на Дальнем Востоке не вспоминает ни одного отечественного полководца и солдата! Зато с умилением повествует

о «прославленных японских генералах» (чем же они прославились?!), вынужденных навывтяжку стоять перед «советскими лейтенантами».

Кстати, и это неправда. Например, в Чанчуне высадился десант из 200 человек во главе с генерал-лейтенантом В.Д. Ивановым, в Харбине — десант из 250 человек во главе с генерал-майором Г.А. Шелеховым, крепость Жэхэ капитулировала перед генерал-полковником И.А. Плиевым. И так практически всюду. Хотя, честно говоря, перед советскими солдатом и лейтенантом, спасшими человечество от угрозы фашистского порабощения, любому человеку на свете незасорно бы постоять «навывтяжку» и даже поклониться.

О бывших японских военнопленных В.А. Архангельский, кстати, бывший представитель номенклатуры ЦК КПСС, в интервью «Новой газете» говорит: «Они упорны, мужественны и отважны, как древние самураи. Великолепны и целомудренны, как прекрасные гейши...». Он даже требует за наш счёт издавать книгу памяти военнопленных. И это в то время, когда в некоторых республиках из-за недостаточного финансирования никак не удаётся подготовить и завершить издание ещё всесоюзной «Книги Памяти» о своих людях, погибших на войне, в том числе в боевых действиях против Японии, страны, снискавшей позорные титулы милитариста и агрессора! Более того, руководители России, как считает В.А. Архангельский, должны выработать некий документ государственной значимости. «Назовём его условно “Свидетельством, удостоверяющим факт нахождения в плену”, отпечатанным на гербовой бумаге с подписью одного из руководителей государства. Свидетельство явится актом государственного покаяния России перед японской нацией и каждым узником в отдельности», — считает он. А в придачу всем бывшим военнопленным Россия должна выплатить денежную компенсацию. Ничего не скажешь, трогательная забота.

Но как быть с нашими участниками войны? Когда будут покаяние и компенсация с японской стороны за коварное развязывание войны против России в 1904 году и эксплуатацию захваченных у России земель (хотя бы, скажем, Южного Сахалина), за интервенцию на Дальнем Востоке в начале 1920-х гг., за провокацию на Халхин-Голе и на наших границах на протяжении всей Второй мировой войны?! Кто выдаст «свидетельство» Сергею Лазо, заживо сожжённому японскими интервентами? В принципе я не сторонник раздоров, у нас нет другого пути в будущее, как взаимное примирение и сотрудничество. Взаимных обвинений можно найти много, в том числе и в деле, связанном с пребыванием японских военнопленных на территории СССР.

Безусловно, всё, что делалось вопреки международным и двусторонним соглашениям, должно получить соответствующую оценку и последующую регламентацию. При необходимости нужно выдать и справки о труде в лагерях, предоставить списки бывших военнопленных, оказать помощь в обустройстве мест захоронения, решить другие назревшие вопросы. Но делать всё это надо спокойно, объективно и по-деловому, не охаявая во всём свою страну.

«Претензии СССР должны быть удовлетворены»

Во многом надуманными являются вопрос о так называемых северных территориях и связанные с ним территориальные претензии к России. Достаточно сказать, что главы США и Великобритании Ф. Рузвельт и У. Черчилль без каких-либо возражений в ходе Ялтинской конференции глав союзных государств подписали 11 февраля 1945 года соглашение трёх держав по вопросам Дальнего Востока, где со

всей определённости отмечалось: «Претензии СССР должны быть, безусловно, удовлетворены после победы над Японией».

Что касается Японии, то обязательность для неё положений Ялтинского соглашения вытекает не только из принятой ею Потсдамской декларации, но и из Сан-Францисского мирного договора 1951 года, в котором зафиксировано, что Япония признаёт все решения и договоры союзников Второй мировой войны, то есть и Ялтинское соглашение. Это признавалось и неоднократно заявлениями представителей японского правительства. Так, 6 октября 1951 года при ратификации мирного договора в парламенте Японии заведующий договорным департаментом МИД Кумао Нисимура заявил: «Поскольку Японии пришлось отказаться от суверенитета на Курильские острова, она утратила право голоса на окончательное решение вопроса об их принадлежности. Так как Япония по мирному договору согласилась отказаться от суверенитета над этими территориями, данный вопрос, в той мере, в какой он имеет к ней отношение, является разрешённым». Он же 19 октября 1951 года на заседании специального комитета палаты представителей парламента Японии, где рассматривался вопрос ратификации Сан-Францисского мирного договора, подчеркнул: «Территориальные пределы архипелага Тисима (Курильских островов. — Прим. авт.), о которых говорится в договоре, включают в себя как Северные Тисима, так и Южные Тисима». Были и другие подобные официальные заявления. Таким образом, при ратификации японским парламентом Сан-Францисского договора высший законодательный орган государства констатировал факт отказа Японии от всей Курильской гряды.

Потсдамская декларация (п. 12) предусматривала (после урегулирования обстановки в Японии) вывод всех иностранных войск с её территории. Но США всегда стремились сохранить часть своих войск на территории этой страны. Для прикрытия этого и надуманы проблемы «северных территорий». Заключение в 1960 году японо-американского «Договора безопасности», направленного против СССР и КНР, ещё более осложнило разрешение вопроса о линии прохождения границы между Японией и СССР. Ибо, как справедливо подчёркивал один из ведущих специалистов по современной Японии доктор исторических наук, профессор А.А. Кошкин, в сложившейся на Дальнем Востоке военно-политической обстановке «холодной войны» любые территориальные уступки Японии способствовали бы расширению территории, используемой иностранными войсками. Столкнувшись с нежеланием японского правительства, за спиной которого стояли США, выполнять положения совместной декларации и расценив подписание японо-американского «Договора о безопасности» (военного союза) как враждебный акт, советское правительство заявило, что вопрос о территориальном урегулировании с Японией после Второй мировой войны уже решён соответствующими международными соглашениями.

Характеризуя политику Японии в отношении СССР в годы «холодной войны», профессор Калифорнийского университета (США) Цуеси Хасэгава отмечает: «Изменения, которые наступили в годы холодной войны, произошли не в советско-японских отношениях, они произошли в США, которые стремились избежать антиамериканизма и японского национализма... Проблема северных территорий позволила встроить Японию в глобальную стратегию США и, отводя японский национализм от себя, направить его против Советского Союза». То есть во всех этих политических спекуляциях

больше проглядываются интриги и геостратегические интересы США, чем подлинные японские интересы.

Дело доходит до того, что не только в СМИ, но и на государственном и международном уровнях делаются официальные заявления, пересматривающие итоги Второй мировой войны, подрывающие основополагающие соглашения, принятые союзниками по антигитлеровской коалиции и ООН, Хельсинкскую декларацию 1975 года. В недавно принятой резолюции Европарламента говорится «о возвращении Японии северных территорий, оккупированных бывшим Советским Союзом в конце Второй мировой войны и в настоящее время находящихся под оккупацией России». Спрашивается, почему Европарламент печётся о далёких от Европы Курилах, а не о возвращении Гибралтара Испании или Фолклендских островов Аргентине, Вильюса — Польше и т.д. Или, например, Клайпеда по Ялтинским соглашениям отошла к России, так что вышедшая из состава СССР Литва никакого права на неё не имеет.

Вообще попытки пересмотра основополагающих решений и соглашений, закрепивших итоги Второй мировой войны, особенно по территориальным вопросам, повлекут за собой обвал многих старых и новых противоречий и проблем, что может снова подвести весь мир к взрывоопасной черте, чреватой ещё более непредсказуемыми последствиями, чем перед Второй мировой войной. И люди, которых подогревают всякого рода «фонды специального назначения», тоже должны подумать о своей ответственности за содеянное. Какими бы благовидными предложениями они ни прикрывались!

Интересы наших народов, международной стабильности требуют не заклинаний и декларативных покаяний, а объективной оценки всего того, что было, чтобы мы не заикнулись на взаимных обвинениях, а больше всматривались в будущее и думали о том, как объединить усилия для совместной борьбы с современными общими угрозами. Мы с уважением относимся к японскому народу, его солдатам, ставшим жертвами авантюристической милитаристской политики. И те люди, что сегодня пытаются снова поощрять насаждение зёрен реваншизма в сознание японского народа, добра японцам не хотят. Перед памятью жертв российских, американских, китайских, японских и других солдат об этом сегодня можно твёрдо и однозначно сказать.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 сентября 1945 года день 3 сентября был объявлен праздником. И то, что этот день не обозначен в Федеральном законе «О днях воинской славы», уже не может отменить состоявшегося исторического события. В действительности 3 сентября остаётся днём воинской славы и знаменательным днём, победным маньчжурским финалом войны. И мы, фронтовики, и все люди, кому не безразличны честь и достоинство страны, вместе с ветеранами США, Англии, Китая и других союзных армий, со всеми антифашистами и антимилитаристами отмечаем день победы на Дальнем Востоке как день окончания Великой Отечественной и всей Второй мировой войны. Как её победный апофеоз!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новая газета. 2004. № 57.

² Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 6.

³ Архив ЦК КПСС. Ф. 48А. Оп. 3411. Д. 19. Л. 456.

⁴ Там же.

⁵ Известия. 1993. 12 апреля.

⁶ Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 6.